

18+

Ю. Б. Шипицин, А. Ю. Шипицина

**«ГИБРИДНАЯ» ВОЙНА:
МОДЕЛИРОВАНИЕ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОЛЕЙ**

Юрий Шипицин

**«Гибридная» война:
Моделирование
информационных полей**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шипицин Ю. Б.

«Гибридная» война: Моделирование информационных полей /
Ю. Б. Шипицин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11168-4

Феномен «гибридной» войны рассматривается в контексте межцивилизационных, межгосударственных противостояний, которые разворачиваются в условиях, продиктованных результатами НТР, постиндустриального, информационного, постинформационного, духовного и постдуховного обществ. Авторы отмечают, что современные войны проходят в условиях искусственно провоцируемого хаоса с целью моделирования новых реальностей. Относительно данных задач формируются конвергентные по своей сути, уникальные по форме и исключительно сложные в осуществлении контрвоздействия, военные операции, за которыми закрепляется понятие «гибридных» войн.

ISBN 978-5-532-11168-4

© Шипицин Ю. Б., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

О феномене «гибридной» войны	5
Введение	6
1. «Гибридная» война: история и содержание	9
1.1. Эволюция и периоды становления феномена «гибридной» войны	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

О феномене «гибридной» войны

Феномен «гибридной» войны превратился в последнее время в одно из наиболее «модных» понятий современной политической науки. Активное использование этого понятия, причем в разнообразных его толкованиях, стало характерным и для политиков, и для политических аналитиков. При этом большинство современных авторов, пишущих о «гибридной» войне, не только вкладывают в этот термин различное содержание, но и пытаются анализировать явление как нечто абсолютно новое, доселе не встречавшееся в истории, не понимая, что «гибридные» войны были, не было только нового, еще окончательно устоявшегося термина (это напоминает аналогичную ситуацию с термином «мультикультурализм»).

Представляемая книга ставит своей целью заполнить возникший пробел. В книге рассматривается как история понятия и его теоретического обоснования, так и реальная история явления – от древнего Китая до современности. Авторы подробно рассматривают роль средств массовой коммуникации в современной войне, анализируют технологии ведения современной «гибридной» войны, выявляют и анализируют причины возрастания роли СМИ в эпоху Интернета.

Особое внимание авторы уделяют идеологемам «гибридной» войны. В любой войне идеологическое обоснование и пропаганда играют очень значимую роль. Для любого правительства важнейшей задачей является представление собственному народу и всему миру обоснования законности и справедливости своих действий по отношению к противнику. Так, Италия, нападая на Эфиопию в 1936 году, декларировала идею необходимости ликвидации даже не варварского, а дикарского государства, которое даже теоретически нельзя отнести к цивилизованному миру (несмотря на его членство в Лиге Наций). Войны без обоснования относятся исключительно к самым древним эпохам истории человечества – и уже, например, поход Александра Македонского против Персидской державы в IV веке до н. э. декларировался как поход греческой свободы против деспотизма Востока.

Таким образом, авторы пытаются решить одну из актуальнейших задач современности – дать понимание «гибридной» войне, причем как термину, так и явлению. Уже поэтому представляется, что эта небольшая книга представит интерес как для специалистов, так и для всех, кто интересуется современной политикой.

А. Г. Нестеров, доктор исторических наук

Введение

Особенностью современной войны является прежде всего то, что не только и не столько военнослужащие, сколько все мы, гражданские лица, являемся ее участниками – каждый из нас, независимо от возраста, пола, национальности. Мы все – либо агрессоры и жертвы, либо победители и побежденные. Кто-то по своей воле, осознанно, участвует в «гибридной» войне, кто-то нет. Фронт этого противостояния проходит внутри каждого из нас. Именно в глубинах нашей личности разворачивается основной театр военных действий.

Американский эксперт Уильям Немет говорит о том, что «гибридную» войну необходимо рассматривать в более широком, нелинейном смысле. В дополнение к тактике на местах сегодня также используются другие средства века информации с целью получения преимущества над своими врагами [см.: Murphy].

Новые формы «гибридных» конфликтов преодолевают религиозные, социокультурные, этнические рамки противостояния. Так, например, при рассмотрении исламистской организации «Ассоциация “Братья-мусульмане”» (запрещена в РФ) мы можем с полной уверенностью констатировать, что членами движения являются не только правоверные мусульмане-мужчины, но и христиане-копты, а также женщины, что напрямую противоречит исламской доктрине и выводит само противостояние на уровень глобальных мировоззренческих столкновений. Профессор лондонского Королевского колледжа П. Ньюман опубликовал информацию о том, что до 600 человек из 14 стран мира, включая Британию, Австрию, Испанию, Швецию и Германию, участвуют в сирийском конфликте на стороне ИГИЛ (запрещена в РФ). Самая крупная группа – из Британии – от 28 до 134 человек, от 30 до 92 террористов – из Франции, от 14 до 85 – из Бельгии и от 5 до 107 – из Нидерландов. Среди других стран, граждане которых принимают участие в «сирийском джихаде», – Албания, Финляндия, Республика Косово. Прибывшие из Европы джихадисты составляют 7–11 % от общего числа иностранного контингента в САР [Neumann, p. 125]. Сегодня сами «гибридные» войны проходят на уровне противостояния идей, мировоззренческих позиций относительно современного мироустройства, вокруг смыслов создаются социальные группы, которые на трансграничном пространстве формируют «гибридные» войска.

Значительную роль в разработке идеологии и стратегических моделей «гибридных» войн сыграли исследования в сфере геополитики. Ученые, часто умозрительно, разделили планету на противоположные сферы: морская и континентальная территории у К. Риттера, особенности географической принадлежности у Ф. Ратцеля, американское жизненное пространство США Дж. Салливена, «осевой регион мировой политики» Х. Маккиндера, цивилизационный подход А. Тойнби, концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона, три сферы Н. Спайкмена, теория «либеральной диктатуры» Ё. Фукуямы. Практически все геополитические разработки научно обосновывали неизбежность «гибридной» агрессии, а во многом служили оправданием для актов глобального международного насилия. Один из последователей К. Хаусхофера, О. Шофер писал о том, что политическая география раскрывает картину того, как пространство воздействует на государство. В отличие от этого геополитика изучает вопрос о том, как государство преодолевает условия и законы пространства и вынуждает его служить намечаемым целям [см.: Murphy].

«Гибридная» война вошла в нашу повседневную жизнь. Мы думаем, что можно защититься от агрессии, обороняясь. К сожалению, это не так. В современной войне существует только нападение. Выигрывает тот, кто эффективнее моделирует и использует информационное поле. Анализируя международные конфликты, которые активно появлялись после ликвидации СССР, такие как в Косово, Ираке, Ливии, на Украине, мы сталкиваемся с профессионально выстроенной стратегией «гибридного» воздействия. Попытки играть по правилам,

разработанным США и Великобританией, не привели к победе ни Саддама Хусейна, ни Муаммара Каддафи, не дадут ни одного шанса на выигрыш и Владимиру Путину. Только разработка и реализация собственных правил игры сегодня гарантирует военное превосходство.

Единственная возможность противостоять агрессии – самому управлять процессом «гибридной» войны, стать полководцем. «Гибридная» война реализуется в информационном пространстве, в поле цивилизаций, смыслов и ценностей. Необходимо понять и изучить это явление, иначе солдаты «гибридной» войны просчитают нас первыми и превратят в своих рабов. В этом – их цель. Не созидать, а разрушать личность. Формировать «нового человека» через хаос и разложение его сознания и морали.

Сегодня борьба ведется за изменение цивилизационных кодов целых народов: их языка, истории, национальных традиций, уклада жизни, культуры. Меняются приоритеты духовности на ценности потребительства, разрушается семья, традиционный уклад жизни. Секс, ложь и насилие становятся главными добродетелями. Происходит тотальное подавление личности человека с использованием научно разработанных методов психологического манипулирования. Такова основная цель современной «гибридной» войны.

«Гибридная» война разворачивается на цивилизационном, психологическом, физическом уровнях. Современная наука сделала возможным не только осуществление тотального контроля над нашей жизнью: от чувств и мыслей, восприятия окружающей действительности до одежды и рациона питания, но и управление нами, моделирование нашего поведения.

Военные действия в современных условиях, межцивилизационные, межгосударственные противостояния разворачиваются в условиях, продиктованных результатами научно-технической революции индустриального, постиндустриального, информационного, постинформационного, духовного и постдуховного обществ. Фактически современные войны проходят в ситуации не линейной системы развития с прогнозируемыми фазами «точек бифуркации» и непредсказуемыми траекториями дальнейшего движения, а в условиях преднамеренного, искусственно провоцируемого хаоса с целью моделирования новых реальностей в рамках стохастической действительности. На данных этапах развития высокого уровня технологического прогресса возможно не только наблюдение и предсказание вероятности этих процессов, а их конструирование по заранее определенным ориентирам и соответственно целям тех или иных групп влияния. Показательным примером этого являются все «цветные революции» современности: от Северной Африки и Ближнего Востока до Грузии, Киргизстана, Украины, Армении. Именно относительно данных задач сегодня формируются конвергентные по своей сути, уникальные по форме и, как следствие, исключительно сложные в осуществлении контрвоздействия военные операции, за которыми все чаще закрепляется понятие «гибридных» войн.

Основной «точкой входа» в нашу жизнь являются средства массовой коммуникации. Пройдя большой путь развития, в XXI веке мы уже можем говорить о глобальном воздействии информации, о реальности «ноосферы». От печатных изданий, радио и телевидения, киноиндустрии до блогов, социальных сетей массовая информация охватывает абсолютное большинство населения планеты: практически все возрастные группы (детей, взрослых, стариков), мужчин и женщин, а также недавно появившийся средний пол, разные идеологии (либералов, консерваторов, националистов, экстремистов, рокеров и хиппи). К каждому применяется свой уникальный, индивидуальный подход.

«Гибридная» война сегодня развернута прежде всего в информационной среде, реализуется на уровне моделирования информационного пространства и, более того, охватывает искусственно созданную систему множества информационных полей.

Только анализируя и систематизируя данные процессы, мы можем надеяться на то, что мир, который мы увидим, хоть в какой-то степени будет соответствовать реальности. Мы

должны отказаться от навязываемых нам стереотипов разноцветных зеркал и оптических искажений. Это позволит нам увидеть перспективу и встать на путь выживания.

1. «Гибридная» война: история и содержание

1.1. Эволюция и периоды становления феномена «гибридной» войны

В экспертной среде происходит постоянная, достаточно жесткая полемика относительно содержания и понятия «гибридной» войны. Значительная часть специалистов по данной проблематике говорит о несостоятельности самого права и целесообразности употребления подобного термина.

Так, на тематической научной конференции «Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века», которая состоялась 27 февраля 2015 г. в Москве, фактически говорилось о том, что «“гибридные” войны – это фантомное понятие, ничего не поясняющее». Эксперты настаивали на том, что «гибридным» и иным войнам сегодня не хватает «нормативного содержания» [Гибридные войны...].

В научном сообществе также существует понимание того, что «гибридная» война – специальный пропагандистский конструкт, который имеет мало общего собственно с войной, зато полностью нагружен тем смыслом, что Россия ведет против Запада настоящую войну, хотя по формальным признакам международного права это, к неудовольствию зарубежных стратегов, нельзя назвать войной» [Белозеров, Соловьев, с. 9].

Все чаще пишут о том, что «в понятие “гибридной” войны сегодня можно включать все, что заблагорассудится, лишь бы это было объявлено вызовом безопасности США и даже совершенно незначительным странам НАТО, после чего необходимо срочно принимать меры, реагировать, “сдерживать Россию”» [Александрович, с. 101].

При этом, на наш взгляд, можно признать лишь то, что «гибридная» война на данном историческом отрезке времени представляет собой не столько явление, сколько процесс временного и содержательного развития в рамках даже не столько международных отношений и классических геополитических стратегий, сколько трансформации самого общества и миротрансформации в целом. С этим, с одной стороны, связана исключительная мобильность самого понятия «гибридной» войны, с другой – адекватность современным процессам, происходящим в обществе, а значит и исключительно высокая эффективность и актуальность данного феномена. Не обесцениваются временем идеи гениального военного стратега Сунь-цзы: «Как вода не имеет постоянной формы, так война не имеет постоянных условий» [Сунь-цзы, с. 97].

Исторически формирование концептов «гибридных» войн можно разделить на три периода относительно концептуально-содержательной основы деления:

– первая связана с пониманием необходимости, описанием и применением особых форм невоенного воздействия на противника;

– вторая – с разработкой теоретических концепций узко научной направленности;

– третья – с процессом конвергенции разработанных теорий и практик, выход на совершенно новый уровень (когда в уравнении $1 + 1$ результатом может быть даже не 3, а бесконечно возможное числовое значение) противостояния в «гибридных» войнах, основанный на конструировании, взаимном столкновении, взаимодействии новых реальностей.

Первый этап охватывает значительный исторический период и представляет собой процессы накопления информации и предварительное ее осмысление, а также связан с появлением опыта использования СМИ в рамках реализации и повышения эффективности военных действий.

На данном этапе исследования достаточно сложно проследить весь путь невоенного противостояния, но, на наш взгляд, совершенно необходимо обозначить саму динамику «гибридности» военного и невоенного противоборства, возрастание значимости данного процесса в исторической ретроспективе. Более подробно данный период рассматривается в монографии Игоря Панарина «Гибридная война: теория и практика» [Панарин, 2017].

Примеры невоенных действий, прямо сопряженных с чисто военными операциями, отражаются уже в мифологии и эпосе. В древнегреческом – ахейский Троянский конь становится не только залогом взятия Трои, но и фактически учебным материалом для формирования будущих военных стратегов. Агентура ахейцев реализовала стратегически важную информацию, что конь – подарок Афины, и троянцы, совершая критическую ошибку, не учитывая экспертного мнения Кассандры, терпят сокрушительное поражение, которое обозначило завершение самого существования данного общества.

Термин «троянский конь» превратился в один из ключей в международном профессиональном разведывательном сообществе для маркировки операций по дезинформации противника с последующим его военным поражением.

Приемами дезинформации успешно пользовались Чингисхан и Батый, всегда заранее распространявшие слухи, преувеличивающие численность и жестокость монгольских войск. При вторжении в Грузию в целях введения в заблуждение передовых отрядов грузинского ополчения монголы несли перед собой кресты. По приказу Чингисхана на Западе распространялись грамоты, в которых говорилось, что Чингисхан – не вождь неизвестных варваров, а царь Давид с воинством [Манойло, с. 77].

Китайское искусство психологического воздействия оттачивается тысячелетней историей войн на территории Среднего царства. Сунь-цзы в VI в. до н. э. подчеркивает высокую важность, эффективность психологических методов давления на противника. В своем трактате «Искусство войны» он подчеркивает: «Во всякой войне, как правило, наилучшая политика сводится к захвату государства целостным. Разрушить его значительно легче. Взять в плен армию противника лучше, чем ее уничтожить... Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства» [Сунь-цзы, с. 53].

Сунь-цзы писал, что «война – это путь обмана», выигрывает тот, кто умеет вести войну, не сражаясь. Для этого необходимо «разрушить планы противника», затем «расстроить его союзы» и лишь в итоге – «разгромить его войска». «Разлагайте все хорошее, что имеется в стране противника. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. Мешайте всеми средствами деятельности правительства. Подрывайте престиж руководства противника и выставляйте в нужный момент на позор общественности» [Сунь-цзы, с. 43]. Не это ли современная реальность?

Еще один знаковый военный теоретик Карл фон Клаузевиц (1780–1831) определяет войну «организованным насилием, ставящим перед собой политические или социальные цели». Он рассматривает войну как средство, чтобы заставить врага исполнить нашу волю. По его мнению, «война суть не только истинный хамелеон – поскольку она слегка меняется в каждом конкретном случае, – в своем общем внешнем проявлении она также, по причине присущих ей неотъемлемых свойств, суть странная троика. Первобытные насилие, ненависть и вражда, рассматриваемые как слепые силы природы; игра случая и возможности, внутри которой свободен скитаться созидательный дух; и некоторый элемент субординации как орудие политики, делающий ее зависимой от чистого разума». В следующем абзаце размышления Клаузевица прямо связывают войну и информационно-психологическое воздействие на противника: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [Клаузевиц, с. 30].

Далее совершенно необходимо обозначить известного политического деятеля, собирателя германских земель в условиях отсутствия военно-экономических ресурсов, гения

гибридных операций, искусного вербовщика и манипулятора журналистским сообществом и общественным мнением Отто Эдуарда Леопольда фон Бисмарка-Шёнхаусена (1871–1890). В истории дипломатического аспекта «гибридных» войн он, несомненно, занимает одно из значимых мест. При отсутствии возможностей в данной работе особого рассмотрения его личностного роста, деятельности и формирования Германии, что представляет особый научный интерес, как отдельный предмет реализации концепций «гибридной» войны, остановимся лишь на двух моментах.

«История дипломатии» говорит следующее: «Бисмарк всегда старался вредить России. Он стремился втянуть ее в конфликты с Англией, Турцией. Но канцлер был достаточно умен, чтобы понимать, какая огромная сила таится в русском народе. Бисмарк видел, что царская власть сковывает могучие силы России, и это было одной из причин, почему он предпочитал царское самодержавие всякому другому русскому режиму. Всячески нанося вред России, Бисмарк старался это делать чужими руками» [История дипломатии, с. 666], в том числе невоенными средствами. Вся история конструирования им немецкого государства, на наш взгляд, представляет совершенно блестящую историю «гибридной» войны XIX века.

Подчеркивая особое внимание Бисмарка к невоенным аспектам международного противостояния, считаем целесообразным привести следующее его высказывание 1888 г. относительно планируемой военной операции в России: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, также быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртуты. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами, ограниченностью потребностей...» [История дипломатии, с. 666]. Больше сложно добавить, исключая лишь то, что понимание необходимости гибридной составляющей войны в тот период не предоставило канцлеру тех возможностей, которые возникли в XXI в., о чем мы расскажем далее.

Первая мировая война своим успехом была также во многом обязана невоенным действиям и разработкам стран Тройственного союза, хотя позже дезинформация существенно снизила ее эффективность.

В итоге Англия оказалась наиболее подготовленной и эффективной в информационном противоборстве. Своим успехам она обязана медиамагнату лорду Нортклиффу, возглавлявшему во время войны английскую пропаганду в отношении неприятельских стран.

Важнейшими принципами осуществления пропаганды лорда Нортклиффа были:

- обеспечение правдоподобности, а не достоверности содержания пропагандистских материалов за счет умелого сочетания лживых и истинных сообщений;
- массированный характер пропаганды;
- опережение пропагандой политических действий своего правительства;
- пропагандистская поддержка оппозиции правительств неприятельских стран;
- ведение пропаганды от имени патриотических сил противника.

Важнейшей задачей пропаганды лорд Нортклифф считал разложение армии и населения неприятельских государств [Манойло, с. 128].

Российский генерал-майор А. Свечин также отмечал, что «будущая война развернется на многочисленных фронтах – политическом, дипломатическом, экономическом» [Свечин, с. 35]. Далее идею «гибридности» разрабатывал в своих работах генерал-лейтенант А. Снесарев. Он говорил о том, что «стратегия работает не мечем, а другими средствами, хотя бы и чужими: агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т. п.» [Снесарев, с. 73].

Исследования методик невоенного противостояния и далее развиваются достаточно интенсивно, анализу подвергается прежде всего опыт Первой мировой войны.

В 1920 г. в Лондоне публикуется книга К. Стюарта «Тайны Дома Крю. Английская пропаганда в Мировую войну 1914–1918 гг.», в которой интегрируется опыт английской пропаганды по дезорганизации, квантификации войск противника.

В 1922 г. в Германии вышли в свет следующие труды, посвященные невоенным технологиям воздействия на общество: монографии Штерн-Рубарта «Пропаганда как оружие политики» и Иоганна Пленге «Немецкая пропаганда».

В 1924 г. – продолжение исследований, книга Фридриха Шенемана «Искусство влияния на массы в Соединенных Штатах Америки» [Шенеман].

В 1927 г. в Лондоне была издана книга англичанина Гарольда Ласвеля «Техника пропаганды в мировой войне». В ней впервые информационно-психологический аспект военных действий рассмотрен как особый вид оружия, воздействующий на нравственное состояние неприятеля, призванный нарушить его психическое состояние или сформировать позитивное отношение к врагу. В качестве основных стратегических целей пропаганды в книге были названы следующие: «Возбуждение в собственном населении, а также в населении стран-союзников и нейтральных стран ненависти к неприятелю; поддержание дружественных отношений с союзниками; сохранение добрых отношений с нейтральными странами и получение их поддержки; деморализация противника. Важнейшими факторами успеха пропаганды признаны искусность применяемых средств и верный учет условий ведения пропаганды» [Ласвель, с. 139–151].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.